

переписан набело. В 17.00 Николай принял вел. кн. Николая Николаевича, Витте, Фредерикса⁸⁷ и в их присутствии подписал виттевский проект манифеста.⁸⁸

Б. В. АНАНЬИЧ

О РУКОПИСЯХ И ТЕКСТЕ МЕМУАРОВ С. Ю. ВИТТЕ

В начале 20-х годов почти одновременно вышли в свет в Лондоне одностомное издание воспоминаний С. Ю. Витте на английском языке (в переводе и под редакцией сотрудника Нью-Йоркской публичной библиотеки А. Ярмолинского) и в Берлине трехтомное — на русском языке (под редакцией И. В. Гессена).¹ Оба издания были подготовлены по рукописи.

Американский издатель умолчал о том, каким образом рукопись воспоминаний попала в его руки, и не счел нужным как-то ее охарактеризовать. То, что воспоминания Витте отдельной книгой впервые были опубликованы на английском языке, не было игрой случая. Еще в 1915 г. в печати появились сообщения,

являем всем нашим верноподданным», а в заключительной фразе — «Дан в Петергофе в день октября 1905» — цифры заменены словами «В лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое» (ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, № 82, л. 1—2). Переписчик пропустил в беловом тексте слова «Объявляем всем нашим верноподданным», но правка заключительной фразы была им учтена. Вероятно позднее, в конце машинописного проекта, была сделана пометка «На подлинном собственною его имп[ераторского] в[еличест]ва рукою подписано „Николай“».

⁸⁷ КФЖ, л. 336.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, № 888, л. 1—2; Правительственный вестник, 1905, 18 октября.

¹ The Memoires of Count Witte. Translated from the original Russian manuscript and edited by Abraham Yarmolinsky. London, 1921; Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Царствование Николая II. Берлин, 1922; т. II. Царствование Николая II. Берлин, 1922; т. III. Детство. Царствование Александра II и Александра III. Берлин, 1923. — В 1923—1924 гг. Госиздатом было предпринято первое советское издание мемуаров с предисловием М. Н. Покровского, представлявшее собой перепечатку текста берлинского издания: Витте С. Ю. Воспоминания, т. I—III. Госиздат. М.—Пг., 1923—1924. — В 1960 г. мемуары были переизданы под редакцией и с предисловием А. Л. Сидорова. В отличие от предшествовавших в этом издании изменена нумерация томов: Т. 1. Детство. Царствования Александра II и Александра III. Т. 2—3. Царствование Николая II. М., 1960. В настоящей статье все специально не оговоренные ссылки сделаны на это издание. Подробнее об истории выхода в свет мемуаров С. Ю. Витте на английском и русском языках, а также характеристику американского издания см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 298—374.

что при жизни Витте одна американская фирма была готова уплатить ему миллион долларов за право издания мемуаров.² Насколько нам известно, такое предложение поступило от Д. Шифа, главы банкирского дома «Кун, Лэб и К^о», и было отклонено Витте. Он умер в Петербурге в последний день февраля 1915 г., в разгар первой мировой войны. После октября 1917 г. его жена М. И. Витте и приемная дочь покинули особняк на Каменноостровском и переехали на свою дачу в Биарриц, на юг Франции. В 1919 или 1920 г. М. И. Витте сама обратилась к Д. Шифу. На этот раз сделка состоялась.³ Условия ее неизвестны, но рукопись оказалась в руках американских издателей.

В то же время М. И. Витте вела переговоры с И. В. Гессеном как представителем берлинского издательства «Слово» и редактором белоэмигрантской газеты «Руль». 29 (16) декабря 1920 г. «Руль» начал печатать отрывки из мемуаров Витте. 6 марта (21 февраля) 1921 г. газета сообщила о приобретении издательством «Слово» права издания мемуаров, а 30 (17) октября — о выходе в свет первого тома «Воспоминаний», хотя на титульном листе книги стоял 1922 г. Вслед за первым был издан второй том, а год спустя — заключительный, третий.

В отличие от американского издателя И. В. Гессен поместил в первом томе «Воспоминаний» пространные «вступительные замечания», а в третьем — предельно краткие «предварительные замечания» к публикуемому тексту. Кроме того, в первом томе было напечатано небольшое предисловие М. И. Витте. Замечания Гессена и предисловие Витте и поныне являются единственным источником сведений о том, как были написаны, а затем изданы мемуары С. Ю. Витте.

Известно, что С. Ю. Витте начал работать над своими мемуарами вскоре после выхода в отставку с поста председателя Совета министров, в апреле 1906 г. «В течение зимы 1906/07 г. под личным руководством и на основании документов личного архива графа С. Ю. Витте» была подготовлена рукопись «Возникновение русско-японской войны», носившая «характер как бы личных мемуаров графа по делам, относящимся к Дальнему Востоку».⁴ Весной 1907 г. за границей Витте приступил к работе над «рукописными заметками», названными им воспоминаниями уже без всяких оговорок. Описание событий в них Витте начал с осени 1903 г., после того как ему пришлось покинуть пост министра финансов. Зимой 1910/11 г., находясь в Петербурге, Витте, завершив еще «рукописные заметки», стал диктовать «стенографические рассказы» о своей жизни с детских лет. Затем он про-

² Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте, с. 299—300.

³ Эти сведения сообщил автору В. И. Гессен со ссылкой на подготовившиеся им к печати в конце 1978 г. воспоминания отца.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 596—597 (комментарии).

должил эту работу и довел изложение до конца 1911 г. 24 (11) октября 1912 г., как бы подводя общий итог своей работы над мемуарами, Витте сделал следующую запись: «Итак я оставляю: 1) историю возникновения русско-японской войны (эта работа составлена при сотрудничестве некоторых лиц, которые были моими сотрудниками, когда я был министром финансов), работа эта состоит из двух томов и тома приложений — ее можно напечатать сейчас после моей смерти; 2) стенографические рассказы (можно тоже напечатать после моей смерти, с некоторыми выпусками, касающимися лиц, еще живущих) и, наконец, настоящие мои рукописные заметки, которые также должны быть в ближайшее время после моей смерти напечатаны. Прошу это в точности исполнить».⁵

Все три рукописи мемуаров Витте хранил за границей вместе с некоторыми другими бумагами своего архива. В 1914 г. в двенадцати номерах журнала «Исторический вестник» Витте опубликовал «Возникновение» под названием «Пролог русско-японской войны». В качестве автора публикации выступил редактор «Исторического вестника» Б. Б. Глинский. В том же году «Возникновение» было напечатано в Лейпциге в виде отдельной книги на французском языке. Автором значился Пьер Марк.⁶ Очевидно, в связи с подготовкой к изданию рукопись «Возникновения» была размножена и существовали ее варианты. Один из экземпляров «Возникновения» в том виде, в каком рукопись была составлена в 1907 г., поныне находится среди бумаг Витте, составляющих часть его архива, хранящегося в Ленинграде, в ЦГИА СССР.⁷ Естественно также предположить, что стеногра-

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. Берлин, 1922.

⁶ Etudes sur l'histoire de l'Europe orientale. Publiées par M. le Prof. Dr. Uebersberger, Vienne. II. Quelques années de politique internationale. Antécédents de la guerre russe-japonaise par Pierre Marc. R. F. Koehler, éditeur. Leipzig, 1914. В 1916 г. вышло в свет отдельное издание «Возникновения» и на русском языке: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С. Ю. Витте с предисловием и под редакцией Б. Б. Глинского. Пг., 1916. Подробнее об издании «Возникновения русско-японской войны» см.: А н а н ъ и ч Б. В., Г а н е л и н Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте, с. 323—325.

⁷ Основную часть ленинградского архива Витте составили бумаги, изъятые после его смерти по распоряжению Николая II и переданные в 1916 г. на хранение в императорские библиотеки (см.: ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 50, д. 1572, л. 1—4), документы личного характера, видимо, оставшиеся в особняке Витте, покинутом в 1917 г. его владельцами, а также некоторые материалы, поступавшие позднее из других коллекций. Как установила М. А. Ткаченко, архив Витте с 1925 г. «находился в Архиве Октябрьской революции в Особом отделе (Отдел падения царского режима), в фонде X. В 1929—1941 гг. фонд хранился в Особом отделе Центрального исторического архива. В соответствии с новым положением о Центральном государственном историческом архиве в Москве в 1941 г. фонд был переведен в Отдел фондов личного происхождения ЦГИАМ (ф. 540). В 1961 г. фонд Витте передан в ЦГИА СССР (Ткаченко М. А. Фонд С. Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Вос-

фические рассказы, сохранившиеся в виде машинописного текста, были отпечатаны не в одном экземпляре. Во всяком случае одна из копий оглавления к ним сохранилась опять-таки в ленинградской части архива Витте и была опубликована А. Л. Сидоровым в 1960 г. в приложениях к первому тому «Воспоминаний».⁸

Все три рукописи, завещанные Витте для издания после его смерти, оказались в распоряжении как Гессена, так и американского издателя. Однако ни тот, ни другой, видимо, не посчитали эту волю автора мемуаров реально выполнимой. Американский издатель даже не упомянул о ней. Что же касается Гессена, то он без всяких рассуждений отказался рассматривать «Возникновение русско-японской войны» как часть мемуарного наследства Витте. Гессен свел в единый текст находившиеся в его распоряжении «стенографические записи (17 томов in folio)» и «заграничные заметки (9 тетрадей in quarto)», разбил этот текст на книги и главы, а в случаях «параллельности изложения» установил «сводную редакцию», беря за основу «более „откровенный“ рассказ рукописных заметок».⁹ Похоже, что Гессен предполагал первоначально издать только два тома «Воспоминаний», посвященные царствованию Николая II, ибо «вступительные замечания» были к ним и написаны. Изданию же тома, посвященного царствованию Александра III, пришлось дополнительно предпослать «предварительные замечания». В три тома «Воспоминаний» вошли целиком, если не считать некоторых исключений, сделанных редактором, и рукописные заметки, и стенографические рассказы.

Выход в свет «Воспоминаний» Витте сразу же привлек внимание историков, единодушно признавших ценность этого издания. Так, Б. А. Романов, откликнувшийся в 1923 г. на появление двух первых томов рецензией в журнале «Книга и революция», писал, что «для истории царствования Николая II „Воспоминания“ Витте едва ли не лучший сейчас источник и одновременно пространный конспект», а «для биографии и истории деятельности самого Витте — это, разумеется, целиком „вечная“ книга». Б. А. Романов был одним из первых, если не первым историком, проявившим интерес к качеству издания этого важного источника. Выказав сожаление о том, что завещание Витте «осталось неисполненным» и каждая из трех оставленных им рукописей не издана отдельно, он отметил также, что остался неясным и «самый размер редакционной работы по „упорядочению“ литературного наследства С. Ю. Витте».¹⁰

«Воспоминаний» С. Ю. Витте. — В кн.: Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977, с. 190—191).

⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1. М., 1960, с. 464—510.

⁹ Там же, с. LXXV—LXXVI.

¹⁰ Романов Б. А. Граф С. Ю. Витте. Воспоминания. Царствование Николая II, т. I—II. М.—Пг., 1923. — Книга и революция, 1923, № 2 (26), с. 54—56.

Затронутый Б. А. Романовым еще в 1923 г. вопрос о «размере редакционной работы», проделанной Гессеном, вновь был поставлен в 1960 г. при подготовке нового советского издания «Воспоминаний» его редактором А. Л. Сидоровым. Местонахождение рукописей мемуаров Витте продолжало оставаться неизвестным. Издание 1960 г. представляло собой опять-таки перепечатку текста, подготовленного Гессеном, однако находка и публикация оглавления к рассказам в стенографической записи позволили А. Л. Сидорову провести некоторые наблюдения над работой берлинского издателя. Результаты этих наблюдений А. Л. Сидоров изложил как в своей вступительной статье к «Воспоминаниям»,¹¹ так и в специальном докладе «К вопросу о характере текста и источников „Воспоминаний“ С. Ю. Витте», прочитанном 27 февраля 1961 г. на заседании Археографической комиссии.¹² А. Л. Сидоров, как и Б. А. Романов, выразил сожаление, что не были напечатаны «отдельно целиком и собственноручные записки Витте, и его стенографические диктовки».¹³ Однако, в отличие от Б. А. Романова, А. Л. Сидоров не высказал своего отношения к целесообразности опубликования «Возникновения русско-японской войны». А. Л. Сидоров был далек «от того, чтобы приписывать Гессену какую-нибудь преднамеренную недобросовестность». Однако, сопоставив оглавление к стенографическим диктовкам со структурой «Воспоминаний», А. Л. Сидоров высказал опасение, что, «совершая перестановки и перенос материала, устанавливая окончательный сводный текст, проводя разбивку материала по главам, „устраняя повторения“ и т. д., в процессе литературной правки текста редактор мог незаметно выйти за рамки необходимого и так исправить текст Витте, что он местами мог получить другое звучание, другую направленность».¹⁴ В частности, по мнению А. Л. Сидорова, перестановки текста отразились на оценке роли В. К. Плеве в поддержке безобразовского кружка; оказалась затушеванной роль Плеве в решении внешнеполитических вопросов, а тем самым нарушилась связь между внутренней и внешней политикой так, как ее понимал Витте.¹⁵ А. Л. Сидоров настаивал также на том, что в результате работы редактора в несколько искаженном виде предстало отношение Витте к крестьянскому и дворянскому вопросам.¹⁶ «Как бы хорошо Гессен не провел свою работу над текстом, а надо признать, что текст удобочитаем, в целом сохранена хронология исторических событий, — в нем все же могли исчезнуть многие интересные де-

¹¹ Сидоров А. Л. Граф С. Ю. Витте и его «Воспоминания». — В кн.: Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1. М.—Л., 1960, с. III—XXVII.

¹² Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, с. 187—215.

¹³ Там же, с. 191.

¹⁴ Там же, с. 193.

¹⁵ Там же, с. 199.

¹⁶ Там же, с. 200.

тали, содержащиеся в более подробном тексте стенографических диктовок».¹⁷

Своим выступлением в Археографической комиссии А. Л. Сидоров еще раз привлек внимание историков к необходимости изучать текст «Воспоминаний». Он призвал продолжить поиски рукописей мемуаров Витте. Так как в «предварительных замечаниях» И. В. Гессена сообщалось, что «точная копия с оригинала „Мемуарных заметок“, принадлежащего графине М. И. Витте, сохраняется кн-ом „Слово“ для передачи в рукописное отделение Государственной публичной библиотеки в Петербурге»,¹⁸ были сделаны попытки разыскать возможные следы переписки между издателем и библиотекой. Однако они оказались безуспешными. Между прочим, А. Л. Сидорову казалось маловероятным, чтобы оригинал рукописи мог остаться в США. «Я далек от мысли, — писал он, — что подлинник рукописи находится, например, в США. Если бы это было так, — рассуждал А. Л. Сидоров, — то не сомневаюсь, что американские историки... давно напечатали бы... отдельно собственноручные записи Витте, относящиеся только к эпохе царствования Николая II, и отдельно все стенографические диктовки, охватывающие более широкий период, начиная с царствования Александра II».¹⁹

Это предположение А. Л. Сидорова оказалось ошибочным. Рукописи мемуаров Витте вместе с бумагами его заграничного архива хранятся именно в США, в Нью-Йорке, в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете. До 1965 г., пока не истек пятидесятилетний срок со дня смерти Витте, доступ к его бумагам был закрыт для исследователей. Впервые ссылки на материалы архива Витте были сделаны в книге американских историков Х. Мелинджера и Дж. Томпсона «Граф Витте и царское правительство в революции 1905 г.», вышедшей из печати в 1972 г.²⁰

В ноябре 1978 г. автор получил возможность ознакомиться с рассказами в стенографической записи и ксерокопией рукописных заметок, опубликованных И. В. Гессеном в трех томах «Воспоминаний».²¹ К сожалению, не удалось тщательно сопоставить оригиналы и опубликованный текст. И настоящая статья представляет собой лишь попытку оценить размер редакционной работы берлинского издателя воспоминаний Витте.

¹⁷ Там же, с. 193.

¹⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1. М., 1960, с. LXXVIII.

¹⁹ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки...

²⁰ Mehlinger Howard D. and Thompson John M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington and London, 1972.

²¹ Автор признателен Институту Кеннана при Международном исследовательском центре им. В. Вильсона в Вашингтоне, а также Русскому институту Колумбийского университета в Нью-Йорке за предоставленную возможность работать над этими материалами.

Внешний вид рукописей соответствует описанию, уже сделанному И. В. Гессеном. Он писал о 9 тетрадях заграничных заметок Витте. В ксерокопии они выглядели как сплошной текст (без обложек), перемежаемый рассуждениями Витте о том, где, когда и при каких обстоятельствах была написана та или иная их часть. Гессен процитировал почти все эти рассуждения во «вступительных замечаниях», описав историю создания мемуаров.

Рукописные заметки Витте начинаются словами: «Часть 1-я — предисловие, страницы 1—125 включительно. Записки графа Витте (воспоминания), составленные наскоро — не имея под руками никакого материала! Июнь—ноябрь 1907 г. (заграница)». Опустив эти строки (то ли заголовок, то ли начало предисловия), И. В. Гессен привел целиком остальной текст, со слов «В течение моей жизни я не имел ни времени, ни охоты писать мои записки».²²

Заканчиваются рукописные заметки на 363-й странице процитированным Гессеном целиком заключением Витте: «Я оканчиваю мои заметки и если дальше буду писать, то в порядке страниц, начиная с 364-й (продолжение настоящей), касаясь обстоятельств, которых я не касался в моих стенографических диктовках потому, что считал это невозможным. Биарриц, 5 октября 1912 г.».²³

Стенографические рассказы «17 томов», как их называет Гессен, представляют собой машинописный текст стенограммы общим объемом 2438 страниц. Он разделен в соответствии с оглавлением на 17 частей. Каждая из них заключена в отдельную папку.²⁴ Они хранятся в трех картонах с надписью на каждом — «Naryshkina/Witte», из чего следует, что бумаги были переданы в архив не женой Витте, а его приемной дочерью В. С. Нарышкиной-Витте.

Во всех частях повторяется общее название рукописи: «Воспоминания (рассказы в стенографической записи) графа Сергея Юльевича Витте». В начале седьмой части М. И. Витте оставила запись, подтверждающую подлинность стенограммы: «Настоящая рукопись является единственным оригиналом воспоминаний моего покойного мужа графа С. Ю. Витте лично им просмотренных. Графиня М. Витте. Брюссель. Октябрь 1921» (ч. VII, с. 695).

Стенографические рассказы, как уже отмечалось, С. Ю. Витте начал с воспоминаний о детстве. Дойдя до событий осени 1905 г., он прервал изложение для того, чтобы заявить «о пропуске в настоящих воспоминаниях периода с 15 сентября 1905 г.

²² См.: Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1. М., 1960, с. XXI.

²³ Там же, с. XXIII.

²⁴ Тип папок — «новейший усовершенствованный регистратор „Колумбия“».

по конец апреля 1906 г. и причинах к этому». «Ход дальнейших событий до 17-го октября и затем мое министерство до конца апреля, — объяснял Витте, — составляет предмет моих личных, в смысле стилистическом, совсем не обработанных записей, но записей, довольно последовательно излагающих события не только за это время, но и за время предшествующее. Записи эти хранятся в должном месте.

Так как я не предполагал, что впоследствии буду делать настоящие рассказы, стенографически записываемые, то в тех моих рукописях потомство найдет и изложение некоторых из тех событий, которые я в настоящее время рассказываю для стенографической записи.

Вероятно, в моих рукописных записках рассказы эти были и более точны и, несомненно, более откровенны, а потому туда могли войти и такие события, которые в стенографические записи не вошли. Таким образом, я прерываю свои рассказы за время с конца сентября 1905 года до конца апреля 1906 года» (ч. XV, с. 1975—1976).

Заключительная часть рассказов, судя по сохранившимся в стенограмме отметкам, была записана в самых последних числах февраля 1912 г. Витте кончил свои диктовки следующими словами: «Таким образом, в своих стенографических воспоминаниях я дошел до 1912 года. Временно я прекращаю эту работу. Как известно из предыдущего, в этих рассказах я пропустил все время, относившееся к председательствованию моему в Совете Министров, так как события этого периода я сам излагал в форме письменных набросков и заметок. Труд этот обыкновенно я произвожу, когда нахожусь за границей. Я его не кончил, но постараюсь закончить или тем же путем, каким я делаю, т. е. посредством личного писания, беглого, в форме необработанных заметок, или же, может быть, в форме стенографических рассказов» (ч. XVII, с. 2438).

Стенографическая запись рассказов Витте, наиболее систематизированная (имевшая оглавление) и посвященная всей его жизни часть мемуаров, послужила в какой-то мере основой при конструировании Гессеном трех томов «Воспоминаний».

Впрочем, основная особенность работы Гессена как редактора состояла в том, что он, с одной стороны, довольно осторожно обращался с текстом мемуаров и почти его не правил, а с другой — совершенно свободно и по своему усмотрению систематизировал этот текст, производил перестановки, формировал тома и главы.

Изменения в тексте сводились к тому, что Гессен в некоторых случаях исправлял пунктуацию, обозначал красные строки и редко делал лишь незначительные стилистические поправки, не искажавшие смысл. Так, например, в рассказе о князе Г. С. Голицыне вместо фразы «он вздумал весь Кавказ обращать в истинно русских людей» (ч. I, с. 73) Гессен напечатал:

«Он вздумал все кавказское население обращать в истинно русских людей» (т. I, с. 42).

И. В. Гессен, как видно из его «вступительных замечаний», отдавал себе отчет в «огромной исторической ценности» оказавшихся в его руках мемуаров. Однако он готовил к изданию не исторический источник, а книгу о недавно минувших событиях, прямо предшествовавших революции, «которая своего последнего слова еще далеко не сказала», — книгу, содержащую «богатейший материал» «для ответа на многие тревожные и мучительные вопросы современности».²⁵

В этом понимании Гессеном смысла и значения мемуаров и следует искать объяснение его подхода к рукописям, превращенным им в три тома «Воспоминаний». Из них «два первые тома, — по меткому замечанию Б. А. Романова, — представили результат отважной редакторской сшивки параллельных разнохарактерных повествований».²⁶

Нет ничего удивительного в том, что Гессен стал издавать мемуары Витте не в строго хронологическом порядке, начиная с детства, а посвятил первые два тома более злободневным для читателя 20-х годов событиям царствования Николая II. В результате же он начал формировать первый том «Воспоминаний», используя текст сразу IX части стенографических рассказов. Слова «император Александр III умер так же, как жил», которыми открывается первый том берлинского издания «Воспоминаний» (2-й том советского издания 1960 г.), взяты И. В. Гессеном со страницы 1013 IX части, т. е. из середины текста. Придерживаясь далее хронологического принципа изложения событий, Гессен стал вводить в текст стенографических рассказов, в тех случаях, когда считал это нужным, материал из рукописных заметок Витте. Казалось, и это не противоречило бы задачам издания, как их понимал Гессен, можно было бы сохранить в целом виде рукописные заметки, сделав к ним соответствующие примечания в случаях параллельного изложения тех или иных сюжетов в стенографических диктовках. Однако Гессен в одинаковой степени свободно обращался с текстом обеих рукописей. Так, Витте, приступив к работе над рукописными заметками, начал их следующими словами: «Историю возникновения русско-японской войны я изложил в особом систематическом и документированном повествовании. Оно начинается оставлением мною поста министра финансов и назначением председателем Комитета министров. Пост этот представляется совершенно бездеятельным. Комитет министров был уничтожен» и т. д. Это начало рукописных заметок (свидетельствовавшие,

²⁵ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. Берлин, 1922, с. XXIII.

²⁶ Романов Б. А. Граф С. Ю. Витте. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849—1894), т. III. Л., 1924. — Борьба классов, 1924, № 1—2, с. 338.

кстати сказать, о том, что Витте рассматривал их как известное продолжение «Возникновения русско-японской войны») в результате проведенных Гессеном перестановок утратило свое самостоятельное значение. Оно оказалось в девятнадцатой главе первого тома берлинского издания (37-я глава 2-го тома) в сокращенном и подправленном виде. И. В. Гессен так начал эту главу: «Пост председателя Комитета министров представляется совершенно бездейственным. Комитет министров был уничтожен» и т. д. (т. 2, с. 259).

Порою Гессен совершенно свободно расчленил текст рукописи и разносил его по страницам или даже по строкам не только в разные главы, но и в разные тома. Так, например, оказался разорванным рассказ «о посторонних влияниях на императора Николая II в первые годы царствования», в частности «о влиянии великих князей в деле введения Земства в западных губерниях по 87-й статье Основных законов».²⁷ Частично он попал в девятнадцатую главу второго тома, посвященную началу царствования Николая II, а частично — в шестьдесят девятую третьего тома. «Когда же они начинают влиять на государя, — отзывался Витте о великих князьях, — то из этого большей частью всегда выходят одни только различные несчастья» (волею Гессена этот отзыв оказался во втором томе, с. 13). «Убийство председателя Совета министров Столыпина, — читаем мы далее в рукописи, — может быть, не имело бы места, если бы в свое время не вмешались в дела, совсем до них не касающиеся, великие князья» (ч. IX, с. 1041). Однако этот текст уже попал в третий том (с. 556). И. В. Гессен считал нужным его перенести в главу, где были сведены материалы о П. А. Столыпине.

Работа И. В. Гессена «по упорядочению» текста мемуаров отразилась и на оглавлении «Воспоминаний». Гессен, по существу, составил его заново, максимально используя и приспособив оставленное Витте оглавление к рассказам в стенографической записи. В нем, как известно, были выделены только части и не было глав. Обычно на полях стенограммы против соответствующего рассказа печатался и его заголовок. Объединив материал в главы, Гессен некоторые из этих заголовков использовал в качестве названия глав, а иногда и сам давал названия главам. Впрочем, благодаря тому что оглавление к рассказам в стенографической записи опубликовано,²⁸ читатель может наглядно себе представить, в какой мере оно использовано берлинским издателем мемуаров.

Внимание читателя «Воспоминаний» Витте обращает на себя известное число купюр, сделанных издателем.

²⁷ См.: Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1. М., 1960, с. 475 (приложения).

²⁸ Там же, с. 464—510 (приложения).

И. В. Гессен в своих «вступительных замечаниях» даже не обмолвился о купюрах. Только в кратких «предварительных замечаниях» к тому, посвященному царствованию Александра III, было отмечено, что «по желанию графини М. И. Витте были исключены как некоторые отрывки, касающиеся семейной жизни самого графа Витте, так и некоторые характеристики второстепенных персонажей. В тех немногих случаях, — пояснял И. В. Гессен, — когда выпущенные по желанию графини Витте строки представляют хотя бы и второстепенный исторический интерес, пропуски обозначены точками».²⁹

Итак, купюры были сделаны по желанию владелицы рукописи, а Гессен лишь счел необходимым в некоторых случаях обозначить пропуски текста точками. Таким образом, Гессен как издатель брал на себя ответственность только за то, что не все случаи исключения текста были им отмечены при издании воспоминаний.

Если обратиться к рукописи, то в третьей части стенографических рассказов мы сталкиваемся даже с намеренно испорченным текстом. На с. 212 несколько строк вырезаны, по-видимому, бритвой, а на с. 259 пять или шесть строк тщательно замазаны тушью. В первом случае, как подсказывает сохранившийся текст, речь шла о каких-то семейных делах Витте, связанных с его первой женитьбой; во втором — зачеркнутые строки следовали сразу же после абзаца, посвященного одному из компаньонов Витте по «Святой дружине» Зографо, после слов «один из самых богатых людей в России» (т. 1, с. 132). Возможно, что и это исключение, хотя оно и сделано в месте, где речь идет о поездке Витте за границу по делам «Святой дружины», также связано с женитьбой Витте на Н. А. Спиридоновой, ибо далее Гессен исключил из воспоминаний целый раздел, прямо следовавший за рассказом о дружине, «О дочери первой жены Соне и ее муже Меринге».³⁰ И. В. Гессен специально никак не отметил и не оговорил ни испорченный текст, ни этот пропуск.

Судьба С. Спиридоновой и ее мужа не представляет значительного интереса для читателя, но это не единственный пропуск. Без всяких отметок или объяснений была исключена часть из рассказа об отношении к М. И. Витте в правящих сферах. Это самый конец главы «Поездка на холерную эпидемию. Вторичная женитьба». После напечатанного в т. 1, с. 275 текста должно было бы быть еще полтора абзаца: «В 1905 году, когда при дворе с нею все примирились, то я должен отдать справедливость высшему петербургскому обществу, и оно в последние годы, т. е. лет 7—8 тому назад, совершенно с этим событием в моей жизни примирилось».

²⁹ Там же, с. LXXVIII.

³⁰ См. оглавление к рассказам в стенографической записи (там же, с. 467).

Теперь моя жена всюду в самом высшем обществе принята крайне радушно, с распростертыми объятиями, в особенности с тех пор, как я не занимаюсь политикой» (ч. V, с. 565). Едва ли может быть сомнение в том, что в этом пропуске повинна сама владелица рукописи. Возможно, что она причастна и к тому, что Гессен опубликовал лишь незначительную часть рассказа о В. И. Ковалевском (т. 1, с. 241), опустив по меньшей мере пять или шесть страниц машинописного текста, все, что касалось, в частности, скандальной истории и судебного процесса по поводу поддельных векселей с подписью В. И. Ковалевского. Опять-таки в опубликованных воспоминаниях нет решительно никакого следа этого довольно значительного по объему пропуска.

В. И. Ковалевский, занимавший в 1900—1902 гг. пост товарища министра финансов, пользовавшийся большим влиянием в предпринимательских кругах, никак не может быть отнесен к числу «второстепенных персонажей». Сделанный в данном случае пропуск текста можно объяснить лишь стремлением владельцев рукописи не печатать того, что могло бы нанести ущерб репутации еще живших лиц.

С. Ю. Витте в присущей ему свободной манере выражаться упомянул о многих подробностях личной жизни В. И. Ковалевского, в частности о его романе с Е. А. Шабельской. Аттестовав Шабельскую как даму «поведения очень неодобрительного», Витте рассказывал, что, «будучи молодым человеком», встречал ее еще в Одессе, «в ресторане у Ящуга, в Северной гостинице в кутящей компании», затем она стала актрисой, «уехала в Вену, была в Венском театре, затем попала в Берлин и жила совсем *magtalemant* с известным публицистом Гарденом», издателем журнала «Zukunft». В Берлине ее и встретил В. И. Ковалевский. Витте утверждал, что под влиянием Шабельской Ковалевский предпринимал «действия, которые совершенно не были в его натуре». «Так, например, — продолжал Витте свой рассказ, — он взял деньги у Нобеля, купил себе на эти деньги какие-то имения, где-то по ту сторону Волги, — это также была афера очень странная; затем он возбудил вопрос о разводе со своей женой, потом в конце концов он с нею и развелся, несмотря на то, что имел взрослую дочь, которая была уже замужем, и сына.

Все это кончилось тем, что появились какие-то векселя, впоследствии оказалось, что эти векселя с подписью Ковалевского подложные, но тем не менее векселя эти были сфабрикованы у г-жи Шабельской, причем г-жа Шабельская на суде уверяла, так как это дело дошло до суда, что векселя эти не подложные, а действительные, словом, обнаружилась такая непривлекательная картина, что человеку, замешанному в такие истории, оставаться товарищем министра было невозможно.³¹

³¹ О судьбе Е. А. Шабельской см. также: Дневник А. С. Суворина. М.—Пг., 1923, с. 89—95, 248, 390.

Вследствие этого я объяснился с Ковалевским и настоял на том, чтобы он подал прошение об отставке, что он и сделал, я послал это прошение государю и хорошо сделал, что послал вовремя, потому что, если бы Ковалевский не подал прошения об отставке, то, конечно, кончилось бы тем, что государь сам бы его уволил, тем более что в то время Ковалевский в качестве товарища министра финансов по торговле и промышленности был не в особенных ладах с великим князем Александром Михайловичем, который был председателем комитета по торговому судоходству (комитета, состоящего при Департаменте торговли и мануфактур Министерства же финансов). Вел. кн. Александр Михайлович именно такого рода господин, что он не преминул бы всю историю с Ковалевским доложить государю, да еще доложить, вероятно, с большими прибавлениями, и, конечно, результатом этого было бы увольнение Ковалевского. Но, как я уже сказал, я заранее просил Ковалевского подать мне прошение об увольнении, которое я и послал государю, и государь это прошение принял» (ч. IV, с. 425—430).

Вовсе не отметив столь значительные (как, например, в рассказе о Ковалевском) исключения из текста воспоминаний, Гессен считал нужным все-таки кое-где обозначить точками пропуски отдельных слов или абзацев. Пропуски эти сделаны, как правило, при характеристике тех или иных лиц, а пропущены либо оскорбительные и резкие выражения, либо рассказы об интимных сторонах их жизни. Это сделано, как правило, в тех случаях, когда сам Витте не ручался еще за абсолютную достоверность рассказываемого. Похоже, что с помощью купюр владельцы рукописи стремились оградить себя от возможных протестов и претензий с чьей-либо стороны. В то же время сделанные купюры никак не отразились на общих характеристиках, данных Витте тем или иным персонажам. Опустив наиболее резкие слова — «величайший мерзавец», — сказанные Витте в адрес одного из сыновей Юзефовича (т. 1, с. 155), или «подлецы и негодяи», — в адрес многих из «знатных лиц» (т. 1, с. 248), издатель мемуаров сохранил эпитеты, не оставлявшие у читателя сомнений относительно того, как Витте оценивал многих влиятельных лиц из своего окружения, в том числе и Юзефовича.

Порой смысл пропущенного настолько ясен для читателя или выражен иными словами здесь же или на других страницах воспоминаний, что остаются не вполне понятными причины, побудившие издателей прибегнуть к купюрам. Это прежде всего относится к рассказу о К. П. Ольденбургском и Ольденбургских вообще, — рассказу, пестрящему купюрами (т. 1, с. 159, 160 и 161).

Исключив в первом случае (т. 1, с. 159) целое предложение — «В сущности во всех Ольденбургских русской отрасли есть что-то странное, т. е. все они несколько аномальны» (ч. III, с. 309), — издатель оставил следующий за этим текст: «Рельефный образец

этого аномального типа представляет собой Александр Петрович Ольденбургский».

Второй пропуск сделан в тексте, где речь идет специально об А. П. Ольденбургском. «Принц Александр Петрович при всех своих хороших качествах, — рассказывал Витте, — все-таки является типом человека аномального, т. е. он принадлежит к тому разряду людей, которые в медицине называются дегенератами. Может быть, в последующих рассказах я буду иметь возможность говорить о различных проявлениях аномальности этого принца, свидетелем которых я был, так как в бытность мою министром я имел с ним деловые отношения, причем между нами несколько раз происходили деловые столкновения» (ч. III, с. 310). По существу в этом пропущенном тексте нет ничего нового по сравнению с тем, что несколькими строками выше было напечатано об А. П. Ольденбургском, если не считать одного, может быть, излишне резкого слова.

В третьем случае (т. 1, с. 160), где речь идет о П. Г. Ольденбургском, издатели опустили опять-таки общие рассуждения С. Ю. Витте о семье Ольденбургских. «Я указал на эту родословную, — отмечал Витте, — чтобы объяснить, что аномальность этого Ольденбургского и вообще всех Ольденбургских есть наследство от императора Павла. Это удивительный секрет природы: почему аномальности предков вдруг переходят, минуя прямых наследников-детей, к внукам или, минуя прямую мужскую линию, вдруг переходят к женской линии. Но тем не менее это факт несомненный» (ч. III, с. 311).

Не рассуждения же Витте о превратностях генетики заставили издателей воспоминаний опустить этот текст? Но что же в таком случае? Нежелание бросить тень на Павла I и всю семью Ольденбургских? Ведь и в первом случае купюра была сделана потому, что речь шла обо всей семье Ольденбургских. Такое предположение вполне логично, если бы издатели не напечатали вслед за тем следующий текст: «По истории нам известно, что император Павел был человек аномальный, и вот эта аномальность проявилась во всех этих Ольденбургских, минуя дочь Екатерину Павловну» и т. д. (т. 1, с. 160). Издатели воспоминаний почему-то сочли за лучшее скрыть от читателя утверждение Витте, что К. П. Ольденбургский «умер от злоупотребления спиртными напитками» (ч. III, с. 312), и в то же время оставили фразу, наносящую едва ли меньший ущерб его репутации: «Это был большущий весельчак, всю жизнь кутил и несколько лет тому назад умер в Ницце» (т. 1, с. 161).

И. В. Гессен отмечал, как известно, пропущенный текст точками. Однако обозначенное точками число пропущенных строк далеко не всегда соответствует объему реально исключенного текста. Так, например, в рассказе о Д. И. Пихно, корреспонденте, а затем редакторе «Киевлянина», и о семье Шульгиных (т. 1, с. 168) отмечен пропуск приблизительно трех-четырёх строк, хотя

реально пропущено не менее страницы машинописного текста. Это рассказ об интимной стороне жизни семьи Шульгиных, основанный как на том, что Витте знал наверное или даже чему был свидетелем, так и на слухах, распространявшихся в Киеве, в частности о том, что В. В. Шульгин будто бы был сыном Д. И. Пихно (ч. III, с. 327—329).

Издатели исключили (т. 1, с. 182) также основанные на слухах утверждения, что А. М. Горчаков, «будучи канцлером, спекулировал на русский рубль» и в результате этого разбогател, «от родных никакого состояния не получил, а умер имея большое состояние» (ч. IV, с. 402).

В предисловии к первому советскому изданию «Воспоминаний» М. Н. Покровский обратил внимание на сделанные в тексте второго тома берлинского издания купюры. «С точки зрения фельетонной было бы настоящей задачей собрать воедино все эпитеты и характеристики, на которые так щедр Витте по адресу Николая и Александры Федоровны. По отношению к последней он увлекается настолько, что целомудренные издатели «Воспоминаний» заменили местами подлинные строки виттевского текста точками. История от этого потеряет немного, но монархический пиетет г. Иосифа Гессена и К^о... весьма все же достопримечателен».³² Покровский бесспорно прав только в одном: пропущенный текст не представляет большой исторической ценности. В первом случае (т. 3, с. 159) в рассказе Витте о замужестве фрейлины А. Танеевой была опущена фраза: «Но затем все-таки сохранились какие-то таинственные отношения между императрицей, Аней Вырубовой и генералом Орловым» (рук. заметки), а также некоторые рассуждения Витте об этих отношениях и причинах скорого развода лейтенанта Вырубова со своей женой, — рассуждения, основанные опять-таки на слухах. Во втором — купюра сделана в тексте, не имеющем никакого отношения к царской семье, это рассказ о женитьбе жандармского генерала Г. П. Медема (т. 3, с. 170).

Делая купюры, Гессен считал допустимым, правда в единичных случаях, подставить слово от себя для того, чтобы разорванный текст выглядел более связным. Так, например, в рассказе об известном петербургском журналисте И. И. Кольшко и его отношениях с князем В. П. Мещерским сделано несколько купюр. В первом случае (т. 3, с. 582) пропущенный текст выглядит следующим образом: «Затем Кольшко был устранен..... ради другого молодого человека, некоего Бурдукова». В оригинале читаем: «Затем Кольшко был устранен от ближайшей любви князя Мещерского, который сделался покровителем другого молодого человека, некоего Бурдукова» (ч. VI, с. 635). И. В. Гессен подставил от себя слово «ради», ни-

³² См.: Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. Л., 1924, с. XXVIII.

как не отметив и не оговорив этой подстановки. В этом же тексте несколькими строками ниже Гессен без каких бы то ни было оговорок или отметок пропустил не менее полстраницы машинописного текста. 582-я страница третьего тома кончается словами «что он захочет»; страница 583-я начинается с красной строки словами «Мещерский являлся самым ревностным защитником». В оригинале же после слов «что он захочет» следует рассказ о том, как Мещерский «выдвигал» тех, кому он покровительствовал, «всюду о них хлопотал, ходатайствовал и просил». «Если какой-нибудь министр или власть имущее лицо не исполняло желание Мещерского или, по мнению кн. Мещерского, не относилось к лицам его компании с особым покровительством, то Мещерский сейчас же не стеснялся, писал в своем „Гражданине“ целый ряд статей против этих правительственных лиц, обливая их всевозможными помоями». С. Ю. Витте резюмировал этот рассказ словами «Таким образом Мещерский являлся самым ревностным защитником» (ч. VI, с. 635).

Издатели опубликовали только резюме рассказа, произвольно начав его с середины предложения, со слов «Мещерский являлся», да еще обозначив ими красную строку.

Можно только гадать, почему был сделан этот пропуск в тексте. Быть может, потому, что тема о покровительстве Мещерского своим «духовным сыновьям» повторяется и в других местах воспоминаний (см. т. 2, с. 286, 517). Но то, что Гессен в одном и том же рассказе, отметив пропуск всего нескольких слов, вслед за тем без всяких оговорок исключил значительно больший по объему текст, — лишнее свидетельство достаточно свободного обращения с оригиналом и того, что издатель не придерживался все-таки какого-то достаточно твердого правила при обозначении пропущенных строк.

И. В. Гессен не ставил перед собою цель или не считал нужным обращать внимание читателя на несуразности, встречающиеся в оригинале рукописи и оставленные без изменения при ее издании. Примером тому может служить одно из мест в рассказе о «Святой дружине». «В Киеве вскоре до меня начали доходить, — рассказывал Витте, — довольно смутные слухи о том, что один господин (не помню его фамилии), но господин очень низкой пробы, который держал контору для найма прислуги и гувернанток, принадлежит к какому-то секретному обществу. Вскоре я получил распоряжение отправиться в Париж, где я (на мое имя) могу получить указания, что я должен делать» (т. 1, с. 130). При чтении этого отрывка очевидно, что рассказ оборван и часть его утрачена, последнее предложение логически никак не связано с предшествующим текстом. Этот отрывок напечатан в соответствии с оригиналом. Поскольку этот явный дефект текста никак не отмечен издателем, у читателя естественно возникает предположение, что дефект появился при издании книги. Однако это изъян оригинала, и в нем повинны либо сам

Витте, либо лицо, делавшее стенографическую запись воспоминаний.³³

Приведенные примеры, как представляется, позволяют ответить на поставленный в 1923 г. Б. А. Романовым вопрос о размере «редакционной работы» Гессена «по „упорядочению“ мемуарного наследства С. Ю. Витте». Многочисленные перетасовки текста, произведенные Гессеном, изменили не только облик оригинала, но и отразились на его содержании. Некоторые из тем мемуаров (хотя бы в результате того, что они были вынесены в названия глав) оказались выделенными в ущерб другим, переместились акценты в оценке тех или иных событий или лиц, не дошел до читателя ряд не только деталей, но и сюжетов. Однако нет оснований считать, что Гессен повинен в каких-то искажениях того, что было написано Витте. Трудно себе представить, чтобы в начале 20-х годов возможно было издать все мемуарное наследство Витте в том виде, в каком он его оставил. Однако, и это тем очевиднее теперь, когда прошло почти 60 лет со времени опубликования трех томов «Воспоминаний», мемуары Витте — столь важный источник для изучения истории России конца XIX—начала XX в., что заслуживали бы тщательного прокомментированного критического издания. Это в равной мере относится к рукописным заметкам Витте, рассказам в стенографической записи и «Возникновению русско-японской войны», давно уже и неоправданно рассматриваемому в историографии как сочинение Б. Б. Глинского.

Н. Н. С М И Р Н О В

НАКАЗЫ С МЕСТ III ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

Составление наказов различным выборным организациям практиковалось в России еще до победы Великого Октября. Широкое распространение оно получило после свержения царизма, что было свидетельством возраставшей политической активности

³³ Рассказ Витте действительно оборван, и смысл его становится понятным, если только обратиться к донесениям Витте из Киева как агента «Святой дружины». «Мне сделалось известным, — писал он в Петербург «набольшему» «Дружины» И. И. Воронцову-Дашкову 25 августа 1881 г., — что один господин, содержащий справочную контору, выдает себя за брата. Он был так неосторожен, что (как говорят) предложил здешнему полицмейстеру вступить в С. Д. Полицмейстер отправился к градоначальнику, который (как говорят) отнесся к существованию С. Д. несколько странно» (ЦГАОР СССР, ф. 1766, оп. 1, д. 1, л. 38—40). См. также: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 166.